Грубый секс и нежный бунт

Автор:
Вячеслав Прах

Грубый секс и нежный бунт

Вячеслав Прах

Двое прилетают на юг Франции. Влюбленные друг в друга, влюбленные в свой единственный день. Этот день – их «минута, ставшая веком счастья».

Он думает, что страсть спасет его душу от кризиса смыслов. Она думает, что он станет одним из множества удовольствий жизни. Но это лишь начало пути, и пройдет по нему не каждый. Любовь – это всегда риск. Не попробовав, не узнаешь; не нырнув глубже, не поймешь ни себя, ни того, кто рядом; не рискнув, никогда не испытаешь счастья. В мире так много обмана, поэтому в сексе мы ищем честность…

Книга – бунт.

Книга – запретное наслаждение.

Книга – откровение тела и тайна души.

Вячеслав Прах

Грубый секс и нежный бунт

Прелюдия

1

Всем нужен секс. Одним в большей степени, другим в меньшей. И человеку необыкновенному, ангельскому, чья натура нам кажется духовно высокой, чище крови Христа, и человеку обыкновенному, порочному, грехи и изъяны которого хорошо видны глазу.

Обладать созданием с эфемерной сердцевиной, которая кажется нам более духовной и невинной, чем наша, – считается нами же преступлением, пороком души. Мы не привыкли осквернять святое. Тогда как, напротив, человеком, которого мы считаем более земным по сути, которого есть за что осудить, которому есть за что раскаяться в своей жизни и о чем сожалеть, из чьих уст можно услышать и грязное, и пошлое, и искреннее, – им мы хотим обладать. Под словом «обладать» я имею в виду заниматься с ним любовью, сексом, трахаться, лечить душу ощущениями, «сквернотворить» и сквернословить, заниматься сотворчеством.

Как занимательно, мы не желаем пятнать собой чистоту, мы чтим самых первых богов – матерей. Но… «пятнать собой чистоту» – насколько парадоксально это звучит, настолько бессмысленным это является. Быть может, наши вторые боги – отцы не пятнали собой чистоту? Может, чистое русло реки так и останется чистым, если в него запустить жменю рыб?

Распятие Христа – это символ. Символ распятия чистоты, высокой нравственности и доброты сердечной. Предположим, что казнь маркиза де Сада за его романы «Жюльетта» или «120 дней Содома» тоже была бы символом. Символом пригвождения ко кресту порока, безнравственности, бесчестия. Но в каждом из этих двух символов присутствует одна связывающая деталь – это искоренение неискоренимого.

Уничтожьте песчинку пустыни Алжира, уничтожьте целую горсть. Эти две фигуры – всего лишь две очевидные грани многогранной человеческой природы.

Символично и то, что христианство – религия любви – учит нас искать чистую любовь и стремиться к Богу. Но что такое чистая любовь? Подскажите, как

отличить любовь маркиза де Сада к проявлению своей сути от любви Христа к проявлению своей сути. В каждом из этих двух символов присутствует реализация себя через смысл. Но у каждого из них смыслы разные, реализация этих смыслов и своей сути – разная, каждый из них силен в своей области, в грани своего таланта.

Талант – это безусловная любовь к тому, что ты делаешь.

Также это очевидные символы добра и зла, рая и ада.

Но копните глубже, и станет понятно, что во всех своих устремлениях и смыслах нам предначертано быть судимыми. Судимыми и за добро (образ Сына Божьего), и за безнравственность, сладострастие (образ Оскара Уайльда).

Я полагаю, что девственность дана человеку не для того, чтобы оставаться всегда чистым, ангелоподобным и юным в этом мире, а для того, чтобы однажды осознать, что не бывает любви без греха. Не бывает вина, сделанного из уцелевших грон винограда.

Не бывает такой чудесной, мелодичной и красивой, наполненной искренностью поэмы, чтобы при этом автор не отдал часть самого сокровенного, самого любимого и важного своему читателю. Я думаю, что чистота телесная – это лишь чистая одежда нашей многогранной, многоликой и всегда разной сути. В то время, как чистота души – это познание своей сути, своего предназначения, своего смысла и Бога.

Всем нужен секс – и преданным служителям Ватикана, и париям.

И мне не всегда понятны суждения тех людей, которые считают, что им секс не нужен. В силу своих душевных терзаний, в силу подавления своих желаний, в силу непризнания себя, своего тела и своей природы человек доходит до высшей формы безнравственности – остановить собственный рост: не позволить прорасти на плодовитой почве натуры зернам собственного смысла, а затем зрелым плодам; остановить природу, остановить свои устремления. Остановить, чтобы жить в плену, чтобы жить без цели и надобности. Это всегда приводит к бессмысленности существования, к обесцениванию всякого тонкого стебля, прорастающего из почвы вожделения других, к обесцениванию зрелых плодов. В самом худшем случае – это приводит к пьянству, разгульному образу жизни, к

приспособленчеству и самоубийству.

Я заметил, что зачастую люди, которые стремятся к смыслу, которые живут собственными идеями и воплощением их в жизнь, гораздо сексуальнее людей со схожими умственными и физическими данными, но живущими бесцельно. И эта сексуальная энергия чувствуется за версту, одурманивая, опьяняя, затрагивая большинство клавиш чувств.

Я глубоко убежден, что секс – это путь к познанию самого себя. Потому как сексуальные фантазии и желания человека – одна из сторон его многоликой сути и масштаб его личности.

2

Внутри человеческой души уже много веков горит – и будет гореть до тех пор, пока жив сам человек, – пожар войны добра и зла. Бога и дьявола. Морали и аморальности. Чести и бесчестия. Так было во времена древнегреческого философа Платона, жившего между 427 и 347 годами до нашей эры, учителем Аристотеля и учеником Сократа. (Сам Платон заявил однажды миру: «Бог в нас самих».) Так было и во времена Уайльда, маркиза де Сада, Уильяма Шекспира, Байрона и многих других. Сохранилось это и по сей день.

В каждом из нас в силу опыта, в силу жизненной мудрости и религиозных убеждений формируются понятия добра и зла, света и тьмы. Часто под гнетом потерь, с лужей пролитых слез по поводу какого-то, даже самого незначительного, человеческого проступка мы нарушаем баланс этих двух чаш весов и перекладываем крупицу убеждений из одной чаши в другую. Хороший пример целому поколению – Булгаков и его произведение «Мастер и Маргарита»: есть кое-что намного опаснее и страшнее дьявола – это сами люди. Миллионы читателей по всему миру полюбили это произведение и поселили в душе эту мысль, переложив однажды крупицу из чаши в чашу. Так формируются наши представления что есть добро, а что есть зло.

Мы можем понять, что нет зла в похоти, в содомии – если это не наносит ущерба ни тебе, ни другому человеку, если это помогает раскрыть себя и грани своей эфемерной материи. И мы можем увидеть зло, уничтожающее не чью-то душу, а

твою собственную, – в трусости, в ненависти, в разрушении самого себя. Процитирую сильнейшие строки из уайльдовской «Тюремной исповеди», которые живут в моей душе: «Я должен до конца уяснить для себя, что ни ты, ни твой отец, будь вас хоть тысячи, не смогли бы погубить такого человека, как я, если бы я сам не погубил себя, и что никто, будь он велик или ничтожен, не может быть погублен ничьей рукой, кроме своей».

Однажды я осознал это.

Сначала погибает твой дух, а затем все вокруг способствует тому, чтобы вслед за ним умерло твое тело.

Я всегда буду защищать хорошего человека, какими бы извращенными ни казались другим грани его натуры.

Я никогда не встану на сторону подлеца, который пытается очернить хорошего человека (в силу непринятия его самим собой), какими бы благородными при этом ни казались его побуждения.

3

Искренность – это самая красивая и откровенная форма выражения в искусстве. Искренность настолько прекрасна, божественна и чиста, что даже если человек совершил непростительный для остальных грех, он, не позволив себе уничтожить себя же, выстояв перед уготованной ему участью, может муками страдания и искренностью сотворить свое признание, и человечество проникнется его честностью, откровенностью и станет значительно мягче в своем приговоре. Потому что через искренность грешника мы способны понять и принять самих себя, как это случилось с гением позднего викторианского периода, которого погубила любовь.

А вернее он сам себя погубил любовью.

Искренность – это лучшее, что я видел в своей жизни. Искренность – самое прекрасное, что может случиться с художником: нет творчества без

искренности, нет в отсутствии искренности души.

От искренности до жизни, наполненной смыслами, чудесами и любовью, бежит много дорог, но все они неизбежно и неизменно приводят именно туда.

От скрытности и двоедушия до бездны дорог гораздо меньше, но все они так же неизменно ведут к потере вкуса, трусости и душевной гибели.

Акт 1. Грубый секс

Мы познакомились с ней задолго до того, как встретились на борту этого самолета, отправляющегося на Лазурный берег. Она никогда не была в Ницце, а я никогда еще не был так близко к ней, как сейчас. Близко не в плане расстояния, а в плане жажды, в плане познания ее, в плане безудержной страсти. Если бы я мог остановить время, я бы его, не задумываясь, остановил, посмотрел на нее и занялся бы с ней любовью. Не отрывая взгляда от ее глаз…

Мы занимались с ней любовью каждый день. На энергетическом уровне. Даже в момент нашей встречи, когда я подошел к ней, чтобы робко поцеловать ее тонкую, худощавую руку, которая издавала аромат, подобный аромату чайной розы, я почувствовал в себе непреодолимую страсть к ней. Несмотря на ее мужа, стоявшего по правую сторону, который все время улыбался мне своей белоснежной улыбкой. Мне казалось, что он видит насквозь мой порок, мое желание, мою необузданную энергию. Но, как выяснилось позже, он ничего не видел и не чувствовал, кроме самодовольства и самолюбования.

Он был славный, харизматичный и обаятельный, а иначе он не смог бы расположить к себе всех тех людей, которые окружали его изо дня в день. Расположить, поработить и сделать частью своего общества. У него было много друзей. Но не было ни одного друга. Он был весел, бодр и полон энергии, но не такой энергии, которой был наполнен я. Он был успешен, в меру красив, ярок, но в то же время абсолютно неприметен. Он был звездой одного вечера, одного мгновения, одной истории. Долго гореть у него никогда не получалось… У него не имелось того вечного огня, присущего людям, которые улыбаются гораздо меньше, но заявляют о себе на энергетическом уровне гораздо сильнее. Он был

прекрасен, если смог завоевать такую, как она. Он был богат…

В этой части истории не будет ни одного диалога. Ни одного имени. Ни одного дня. Только страсть.

Она – воплощение шедевральности, если описать кратко, всего в нескольких словах. Воспринимая ее как произведение искусства, как великий шедевр, я бы, тем не менее, никогда не сравнил ее с Моной Лизой. Она больше похожа на женщину, собранную из осколков образов других женщин, которых я встречал на протяжении своей жизни. Она соткана из всего ароматного, если рассматривать парфюмерию как искусство, а ее – как часть искусства.

Я улавливал запах ее тела настолько сильно, что он сводил меня с ума… Я не мог разобрать цвет ее глаз. Он менялся каждый раз, когда я не сдерживал свой энергетический поток в ее сторону, свой смерч, свое цунами. Ее глаза казались зеленоватыми, серыми, а когда посмотришь на нее со стороны, когда она с кем-то разговаривает и не улавливает на себе мой взгляд, мерещилось, что они карие.

Она была похожа на величайшую модель всех времен, на величайшую актрису: о, как она играла! Как будто не играет; как будто этой ролью, этим образом недоступной, безразличной, с каменным сердцем, женщины, живет все время… Ее пухлые губы в моих фантазиях отождествляли нечто такое, от чего у меня внутри все вздрагивало, от чего мое горло принималась ласково душить неведомая сила, темная сила. Неугомонная сила, пошлая и грубая, но когда начинала отпускать – нежная, мягкая, расслабляющая… А затем снова эта мощь, эта похоть, этот неконтролируемый порыв овладевал каждой частицей моего тела, и я, как раб, повиновался ему…

Когда я видел ее – я был не собой. Не тем, кого во мне видели все окружающие, в том числе ее муж. Я был проводником, а дьявол ногами топтал мое тело, чтобы предстать перед ней обнаженным.

Что же в ней такого? Она была невинна и чиста? Не думаю. Она была святостью, порожденной самыми страшными грехами, включая прелюбодеяние, душевное убийство, воровство чужого влюбленного сердца? Возможно. Очень возможно.

Когда она говорила – простите меня, святоши и ханжи, безбожник я, пантеист… – мне хотелось достать свой твердый пульсирующий член, поставить ее на колени и засунуть ей в рот. Чтобы ее мягкие пухлые губы, которыми она так сладко говорит мудрые и достойные речи, нежно обволакивали мое пульсирующее в ее рту величие. В этот момент мне хотелось не отводить от нее взгляда и чтобы она даже не вздумала отвести свой! После ее ласковых и умелых ласк я был убежден, что мужской инструмент у нее во рту – это неотъемлемая часть композиции, которую рисовала моя фантазия. Если воспринимать ее как художественное творение, этот образ подходил ей гораздо больше, чем образ благородной девицы с изящной дамской сигаретой в пальцах, загадочно выпускающей клубы густого дыма.

Потом я бы как истинный джентльмен подал ей руку, чтобы она поднялась с пола… Я бы снял с нее роскошное шелковое платье, которое еще сильнее подчеркивало ее безупречную, ведьмовскую фигуру. Я бы посмотрел на нее, слегка смущенную, но еще не полностью обнаженную, посмотрел на нее так, будто все о ней знаю, взял бы ее за пальцы и безмолвно попросил бы расстегнуть мою рубашку. Затем снять ее с меня. Чтобы предстать, явиться перед ней таким же чистым, таким же уязвимым, как она.

Я бы молча попросил ее поцеловать ладонь моей правой руки, она бы мне повиновалась. И целовала бы с закрытыми глазами мою ладонь, потом запястье… Я бы в это время гладил ее теплую щеку. Когда она открыла глаза, мы бы уже стояли без одежды, без мыслей, без прошлого и будущего, полностью без всего.

Нежность… Я ее обнимаю. Просто обнимаю, как самую любимую женщину обнимают любящие мужья, просто так, без намеков на секс, без извинений за причиненную боль.

Я чувствую мурашки на ее коже – без каблуков она ниже меня и прижимается своей щекой к моей груди. Я чувствую ее энергию, я полностью поглощаю ее, даже не притрагиваясь к ее святыне, к ее мраку, к ее загубленному раю… Я

чувствую, как она наслаждается моей энергией, как она пропускает ее через себя, как она дышит ею, как вздрагивает – она еще никогда не встречала дьявола в таком молодом, робком, скромном и тихом человеке.

В тихом омуте мои черти жгут ее душу на костре.

Я очнулся, но теперь я ее не обнимаю, а вхожу в нее на вытянутом деревянном столе с белой скатертью, все вокруг улыбаются, пьют шампанское, расхваливают свои достижения, кичатся приобретенными богатствами. Они не видят нас, потому что я и она – мы стоим на том же самом месте, где стояли в первые минуты знакомства. Смотрим друг другу в глаза. Наши тела рядом с этими людьми. Наши тела – красивое ничто…

Я чувствую ее, как никогда в своей жизни. Я целую ее нижнюю губу, ее подбородок, ее длинную изящную шею, я целую ее правое ухо. Затем нос и глаза. Дьявольские зелено-черные глаза, глаза греха, бездны, потерь. Глубокие… Глубже большинства глаз в этом зале. Она видела боль, она знала боль, через познание боли она пришла к тому, что называет сейчас счастьем. Но она не знала меня! Я – ее одурманенный рассудок, ее отрава, ее алкоголь. Я – ее экстаз, ее оргазм, ее сладкий ад.

Она понимала, на что я способен, с первых секунд знакомства. Она видела всех моих демонов внутри. Я целовал ее груди, нежно покусывая соски, я знал, что заберу ее душу и оставлю только пустое тело. Мне это нужно, без этого я – не я!

Я очнулся… Я пьян, я не помню ничего, я не знаю себя и кем я был. Я жадно кусаю ее ягодицы. Одну за другой. Я прикладываю свою горячую щеку к ним – о боже, как они прекрасны! – и чувствую неописуемое блаженство внутри. Я провожу указательным пальцем по ее пояснице. Нет, по ее безупречности, по ее идеальным изгибам, по ее женственности, по ее тайне. Я не вижу ее лица, но я на миллион процентов знаю, что это именно она и что она позволит мне сделать все, что я только пожелаю с ней сделать. Я вхожу во врата Эдема, и меня снова встречает дьявол…

Я беру ее грубо, как только могу. Во мне просыпается зверь, я хочу ее разорвать, придушить, чувствовать пальцами силу ее зубов. Ее укусов. Я хочу, чтобы она

нежно посасывала мой палец, я представлю, что это мой второй член – от этого я еще безумнее, сильнее, страстнее…

Я достаю палец из ее рта, аккуратно вхожу им туда, куда позволяют входить не каждому; они считают, что это не самое благородное место для путешествия – напрасно! Это место – часть ее, я хочу ее полностью – и буду брать без разрешения, потому что она мне «по кайфу». И теперь все мое тело вздрагивает от наслаждения, в глубине души я кричу от боли, от сладкой боли. Жаль, что у меня нет трех членов, чтобы каждым из них ее осквернить. Ее полюбить. Ее познать. И украсть все, что только можно украсть. Все полностью. Одновременно. У нее не будет от меня тайн: я – ее тайна. Я – хранитель ее тайн.

Я не вижу ее, но взрываюсь в ней, я умираю в ней, я испытываю такое блаженство, какое после трехдневной жажды не испытывают пьющие воду. Я умираю. Оживая, возрождаясь… Я в ней оставляю себя и все то, чем я являюсь! Это страшно приятно, это дьявольски невыносимое безумие. Она чувствует меня. Я – есть она. Она – есть я.

После… Из нее капает на пол то, что я в ней оставил. А я в это время нежно обнимаю ее, как первую юношескую любовь, робко и искренне, как ласковую девчонку, с которой впервые случилась близость. Глажу ее волосы. Заставляю ее привыкать к моим рукам. Я хочу, чтобы она к ним привыкла. И понимаю, что наши тела слишком тесны, слишком просты, слишком бесполезны.

Я целую ее на прощание и отдаю мужу.

Ницца

Я знал, что она будет лететь именно на этом самолете. Потому что по-другому быть и не могло, только не в этот день…

Я сидел в хвосте самолета и не видел, как она вошла, какое место заняла, но я был уверен в том, что сейчас она духовно близко, дышит мне прямо в лицо. Я ощущал жар ее тела, я мог прикоснуться к ее пересохшим губам. Я мог утолить ее жажду.

Я очнулся…

В руках я крепко держал черный кожаный ремень и нежно водил им по ее ангельскому лицу, она глотала мой орган, нежно посасывая его, без единого укуса, профессионально, будто это была профессия всей ее жизни, даже больше – призвание души. Время от времени она закрывала глаза и опускала правую руку к отравленному источнику. Она возбуждалась от того, что доставляла мне удовольствие. Кайфовала от того, что я желал ее удушить, застегнуть ремень у нее на шее, сделав из него петлю.

Придушить… ослабить… смотреть в глаза. Мягко провести указательным пальцем по ее щеке… Она видела это желание в моих глазах, держа во рту то, чем я хотел достать до ее бездны, сжечь все ее святыни и на этом пепле заниматься с ней нежно любовью.

Я бросил на пол ремень, она что-то увидела в моих глазах, что-то такое, что заставило ее остановиться. Она смотрела и ждала.

Я подал ей руку. Она послушно повиновалась и встала передо мной.

Я сказал ей, что она самая святая, самая привлекательная и недоступная в мире шлюха. И после меня в ней не останется ничего святого. Ничего! Я оболью своей спермой каждую стену храма ее души, каждую икону, каждый догмат, каждого бога. Я стану для нее идолом, она будет, стоя на коленях, меня любить. Будет меня желать снова и снова, когда я начну сжигать все ее прошлое, все ее настоящее, все ее будущее. Когда я стану непередаваемым, неописуемым мгновением, о котором не будет знать никто. Только она. И ее тело, лишенное в тот миг души!

Ее тело – ничто, каким бы прекрасным оно ни было.

Я понимал, что через боль она не почувствует меня. Лишь через сладость, грубую нежность, нежную муку она ощутит то, чем я являюсь, а я поглощу ее, как Сатурн своего сына.

Я входил в нее мягко… Она лежала на спине и смотрела в небо. Я смотрел на ее пупок и мне хотелось провести по нему пальцем. Я гладил ее твердые, торчащие, идеальной, чуть вытянутой формы соски, мне казалось, что если я попробую их на вкус, то из них польется сладкое молоко. Я приник к ее правому соску… как горький мед.

Целовал ее губы и гладил лицо. Целовал ее лоб, ее нос, ее ухо, ее шею. Я вдыхал ее волосы, я каменел и понимал, что мое тело мне не принадлежит, оно повинуется неизвестному зову. А я чувствовал себя давно вне его.

Я сказал: «Посмотри на меня!» Она открыла глаза, словно после пробуждения, и взглянула на меня так, словно не узнала, словно забыла мои черты. Затем вспомнила и повиновалась, ее глаза повиновались мне. Я кайфовал от ее блаженства. Оно отражалось в ее глазах, в ее губах… Это невозможно было скрыть. Она была вне времени и полностью во мне.

Она вздрагивала от того, как я проводил по ее сонной артерии указательным пальцем. От того, как ласково я прикасался к ее соску. Я смотрел в ее глаза и видел ее смерть, ее перерождение, ее – другую. Возможно, такой ее не видел никто. Нет. Точно не видел!

По моей спине пробежали мурашки, в глазах на мгновение потемнело. Кажется, я был на грани жизни и смерти. На грани наркотического прихода… Она не кричала от сладости, она лишь громко дышала, растворившись в этом мгновении.

Я заглянул ей в глаза, кажется она все поняла… Но я все равно произнес: «Сейчас я наполню твой рот своей спермой, а ты проглотишь все до последней капли». Ее глаза были полны согласия, они принимали меня полностью. Меня – то, что под моей кожей.

Я достал из нее член. Продолжая мастурбировать, приблизился к ней. Она в это время легла на бок и открыла рот. Я закрыл глаза и бурно закончил эту яркую, будоражащую, дьявольски-божественную картину прямо в ее рот. Я мог представить, как Амедео Модильяни, дописав свое творение, попросил свою натурщицу, музу и страсть в одном лице, Жанну Эбютерн, проглотить его… я мог бы это представить, моя фантазия – мой дар и богатство, но в тот момент я не думал ни о чем. Сначала было мгновение полета, безмятежности, затем я

перестал что-либо ощущать. Не чувствовал ровным счетом ничего. Словно проснулся. В тот миг женщина была мне больше не интересна, хотя всем своим нутром я понимал, что буду поглощать ее тело, а затем и душу целую вечность. Целую вечность я буду вынимать из ее тела своими длинными худощавыми пальцами ее сущность. Ее скрытую от чужих глаз тайну. Ее саму – грешную, настоящую… Я посмотрел ей в лицо. Она послушно проглотила мою сперму и высосала из головки остатки, последние капли, как я приказал. Нет, как я велел. Она проглотила и их, а затем поцеловала мой обессиленный орган.

Я побежденный, я опустошенный лег возле нее. Она улыбнулась мне, глядя на мой профиль. Мне захотелось ее обнять и поцеловать ее маленькую макушку. Мне захотелось, чтобы она уснула у меня на груди…

Явь

Мы остановились в апартаментах на Английской набережной, недалеко от отеля «Негреско». Пили апельсиновый сок на террасе, глядя на бирюзовые воды шумного Средиземного моря. Она сидела у меня на коленях и говорила о том, что Ницца прелестна – ее очаровал этот дивный, шумный городок на юге Франции у подножия Альп.

Я рассказывал ей о городе, нет, деревне, которая пленила мое сердце, о месте, которому я посвятил свою книгу «Отель». О горном поселке, расположенном всего в десятке километров от Ниццы, откуда открывался невообразимо изумительный вид на побережье Средиземного моря, на соседние деревни, на величественные Альпы, верхушки которых были покрыты снегами.

Альпы – моя страсть. Она – моя страсть… Мне хотелось, чтобы однажды они встретились друг с другом.

Сен-Поль-де-Ванс – эта, как называют сами французы, коммуна была построена в далеком VIII веке, когда жители Средиземноморья настолько устали от регулярных атак сарацин, что ушли в горы и соорудили там оборонный пункт, «каменное гнездо». Так было легче защищаться от враждебных племен; место

стало их надежным укреплением, убежищем.

Я рассказывал ей о том, как знаменитые французские художники 20-х годов прошлого века приезжали в эту деревню из столицы моды и отдыхали от городской суеты. Они останавливались в легендарном отеле «Золотая голубка» и часто расплачивались за вино, крышу над головой и веселье своими работами.

Сейчас в этом отеле можно насладиться полотнами Пабло Пикассо, Утрилло, Марка Шагала, который, кстати говоря, прожил свои последние годы в Сен-Поль-де-Вансе и велел похоронить его на местном кладбище. Сейчас это место таинства, искусства, самобытной элегантности, ибо эстетика средневековых сооружений, каменных строений, увитых розами и бегониями, завораживает своей первозданной, уникальнейшей красотой и богатой историей.

Целуя ее длинные пальцы, я говорил ей, что люблю их, а сам в это мгновение думал о том, как здорово было бы завтра (если бы представилась такая возможность) остановиться на ночь в «Золотой голубке». И там заниматься с этой женщиной любовью до самого рассвета наших темных заблудших душ, в стенах, где в свое время Пабло Пикассо упивался мгновениями своей бурной и страстной жизни с очередной натурщицей или любовницей, что зачастую одно и то же.

Натурщица, отдающая часть себя для искусства, не может не быть любовницей художника, ибо обладание ее душой и телом – это часть процесса.

О, сколько женщин было у Пикассо! Ольга Хохлова, его первая жена, русская балерина. Она – Близнец по гороскопу, он – Скорпион. Или Франсуаза Жило, Стрелец – сама не менее великая художница, написавшая книгу «Моя жизнь с Пикассо» и однажды сбежавшая от Пабло из-за его постоянных гуляний. Сбежала она вместе с двумя их детьми: Клодом и Паломой. В 1990 году ее наградили Орденом Почетного легиона за труды в качестве художника, писателя и борца за права женщин.

Знал бы Пикассо, какая великая птица выпорхнула однажды из его рук, чтобы написать историю своим полетом! Впрочем, быть может, она была ему больше не нужна, после того, как он пресытился ею. И сотни других женщин, которым он признавался в любви, выпивал до дна и выбрасывал каждую из них, как пустую

бутылку из-под виски. Разный вкус, разное опьянение от них… Интересно, каково это – быть великим полотном у ног прекрасного мира или быть ногами у великих и не очень полотен? Мне кажется, Пабло всегда было мало! Его страстность, жажда жизни, к женщинам, к искусству. Когда постоянно пьешь и почти никогда не пьянеешь… О боже, как же это знакомо.

Жаклин Рок – последняя любовь Пикассо. Он женился во второй раз, когда умерла Ольга Хохлова – до этого не мог в силу брачного договора, который Ольга до самой кончины не желала расторгать. Ему было семьдесят девять, а молодой и никому не известной Жаклин – тридцать четыре. Она не знала ничего о нем в момент знакомства. Жаклин Рок, плачущая женщина, Рыбы… За семнадцать из двадцати прожитых вместе с Жаклин лет Пикассо не рисовал никого из натурщиц, кроме нее одной.

Быть может, она – первая любовь?

Они познакомились в керамической мастерской, когда ей было двадцать семь, а ему семьдесят два. Она была неблагородного, по меркам тех годов, происхождения, разведенная, растила свою дочь в одиночестве. Он говорил, что никогда не ляжет в постель с женщиной, у которой был ребенок от другого.

Что ж, Пабло не остался верным этому принципу до конца.

Когда я смотрел кино «Прожить жизнь с Пикассо», то испытывал неоднозначные чувства. Я одновременно восхищался виденьем и глубиной художника, его отношением к жизни, к сексу и удовольствиям, а с другой стороны, не понимал, был ли он счастлив, живя в постоянном необузданном желании обладать всеми и каждой. И мне не пришлось по вкусу показанное в фильме обращение Пабло с сыном, который работал у него личным водителем, – это не то, что хотелось бы повторить по отношению к моему собственному сыну. Он мэтр. Ему простительно все. Великий Пабло Диего Хосе Франсиско де Паула Хуан Непомусено Мария де лос Ромедиос Сиприано де ла Сантисима Тринидад Мартир Патрисио Руис-и-Пикассо…

Я бы ни за что не запомнил его полное имя.

Я спросил у нее, чувствовала ли она в момент нашей первой встречи, как глубоко я в ту секунду был в ней? Я спросил, почему источником своей телесной страсти невозможно коснуться души и почему все пытаются? Дева… Зеленоокая, ангелоглазая, невинная, но пахнущая развратом, пламенным желанием. Я спросил, было ли с ней такое раньше, когда душу готов продать за то, чтобы повалить человека на стол и до глубины души любить, самой необузданной, самой животной и самой громкой любовью, так любить, чтобы отдать всего себя без остатка, чтобы забрать ее всю и не оставить ничего для другого? Нежно и по-девичьи обнимая меня, она ответила: нет. Ее муж застрелился бы от горя, узнав, что в эти сутки я буду делать с его бриллиантом, с которого он так неустанно и преданно сдувает пылинки. А может быть, нашел бы и застрелил меня. Но мне в тот момент было плевать.

Я сказал ей, что хочу ее немедленно.

Мы лежали на шелковых простынях цвета золота. Дева… Никогда бы не подумал, что смогу растопить сердце каменной и холодной для всех Девы. Каменная, холодная… нет, она лишь создает иллюзию ледяной, безразличной ко всем, недоступной и недосказанной. Я трахал ее – святую и гордую – на самых приятных нежных простынях. Хотя… не так грубо: я ласкал ее тело, и под ласками я подразумеваю поцелуи, мои холодные губы, которыми я касался ее горячей, даже огненной груди. Я целовал, а затем вдруг останавливался и смотрел на ее сосок. Потом ей в глаза. Она, возможно, думала, что я что-то вспомнил, но на самом деле в этот момент я не думал ни о чем, кроме нее. Мне просто хотелось сказать без слов, что она – самое чудесное мгновение, что она – самый сладкий на свете грех. Что из-за нее я однажды буду гореть в аду, если вдруг поверю в ад, или стану молить прощения у Бога… Хотя, скорее всего, после нее меня ждет именно ад, нет, вернее – без нее. Если однажды она скажет мне: «Больше не надо».

Три убийственных слова: «Больше не надо». Я буду проклинать ее мужа, если из-за него она однажды решится на убийство, на предательство, обрекая меня на ад – жизнь без ее тела, без ее сути. Без ее глаз. Сосков. Лепестков. Без ее натуры, без ее идеальной фигуры. Без ее голоса. Без губ, которые больше не будут шептать мне в полночь, что «хуже лицемерия и ханжества только безграничная человеческая глупость – глупость жить жизнью других, а не собственной», без губ, которые перестанут ласкать мое властное, пульсирующее достоинство и принимать мою горячую белую кровь, мой код.

Я смотрел ей в глаза и говорил, что не прощу предательства: «Ты моя, и точка». «Ты моя» и «ты самая нежная, самая вкусная, самая красивая сука». Я не знаю, почему называю ее иногда сукой, она ведь ангел, она святость, она вдохновение, она музыка, она самый леденящий душу огонь. Извини за суку. Может быть, потому что иногда от этого блаженства, от этого невообразимого удовольствия и эйфории хочется встать перед ней на колени. Лизать ее руки, целовать постоянно ее пальцы и благодарить, что она со мной и никуда от меня не убежит, по крайней мере сегодня. Она не сука, но я еще никогда не испытывал такого, чтобы слезы выступали на глазах от неконтролируемой бури внутри, я не такой. Просто она…

«Можно я тебя поцелую?» – вдруг спросил у нее. Не знаю зачем и не знаю, как эти слова вырвались из моих губ вообще. Это самый нелепый и неразумный вопрос. «Можно», – она игриво улыбнулась.

Можно! Я закрыл глаза и очень медленно и не до конца прикоснулся к ее губам. Дрожь пробежала по телу. Почему эти губы такие? Почему мое… Нет, это слишком громко, не нужно громких слов. Почему я выбрал именно ее? Ту, которая никогда не станет моей и никогда не пожелает променять свою бриллиантовую неволю на сладкую свободу. Свободу, где с нее не будут осторожно сдувать пылинки, а будут и нежно, и грубо, и по-животному… изо дня в день. И ласково, осторожно, как будто в первый раз.

Не променяет, я уверен в этом. Но мне этого и не нужно сейчас.

Вдох! Я вошел в нее… Вспомнил слова Ренуара, когда настырные незнакомцы что-то спрашивали у него о живописи. Он говорил: «Я не занимаюсь живописью. Я занимаюсь порнографией». Эти слова так близки мне. Я не пишу работы, я занимаюсь порнографией.

Но сейчас я занимался ею. Я гладил ее бедра. Затем ягодицы. Ее упругие, твердые ягодицы; я столько раз представлял, как раздвигаю их и вхожу в ее морок, расположенный по ту сторону эдема, заговорить о котором она бы посчитала постыдным; как лишаю ее девственности, а быть может, и нет… Эта мысль возбуждает меня еще сильнее, и я начинаю активнее входить в нее,

пылать в ней, сгорать в ней, глядя в самые красивые на всем белом свете глаза. Глаза цвета драгоценного камня, бирюзы – именно сейчас.

Я целую ее губы. В этот раз приникнув полностью, касаясь ее языка. Мне хочется мягко водить рукой по ее лицу. Я поправляю ее волосы и глажу щеку. Через мгновение она уже с закрытыми веками страстно посасывает мой большой палец, прижимая к лицу мою ладонь, ласково прижимая, будто ей дорог каждый палец. Я еще сильнее проникаю в нее. Я начинаю превращаться в зверя, вернее, он начинает завладевать моим телом. Мне хочется развернуть ее спиной, толкнуть вниз и войти глубоко и грубо, сжав изо всей силы ее волосы в кулаке.

Я вхожу. Сжимаю. Она начинает кричать. Мне хорошо. Нет, мне божественно. Если бы можно было застыть в этом мгновении, я бы многое отдал. Очень многое, но не все…

Я понимаю, что еще миг, и взорвусь. Меня разорвет гранатой страсти, осколок неконтролируемого желания нежно ранит меня. Еще секунда… Я прижимаю к себе ее спину, ее поясницу, ее ягодицы – ох, эти возбуждающие, манящие ягодицы, – литрами кончал бы в ее морок… В конце я притиснул ее всю к себе и громко прошептал в ухо: «Я хочу. Скажи, что я лучший».

«Ты лучший», – повинуясь, тихо сказала она. После чего я вытащил свой влажный от ее доверия ко мне и неподдельного искреннего желания посох, поставил женщину на колени и наполнил ее рот. Она в этот момент послушно и невинно смотрела мне в глаза. Затем проглотила. Все до последней капли.

Чуть позже мы разговаривали о Ренуаре…

Площадь Массена в тот день была невероятно пуста и немноголюдна. Ницца – одна из множества моих сердечных привязанностей… Я рассказал своей любовнице, нет, женщине, в которую я сегодня был так жадно влюблен, о том, что легендарная площадь названа в честь Андре Массена, военачальника, который принес своей армии много побед. Нас окружали терракотовые дома, а в центре знаменитого фонтана «Дю Солей», или «Солнце», возвышалась величественная мраморная фигура Аполлона.

Мы целовались с ней у этого фонтана. Она – безымянная, олицетворявшая собою страсть в самом первобытном, можно даже сказать, животном виде, – однажды невзначай проронила, что не любит целоваться. Но тогда я забыл об этом, ибо мне эгоистично хотелось ею обладать: ее губами, ее запахом, ее телом. Ее раскрывавшимся, как бутон розы, пороком. Аполлон в центре фонтана, олицетворяющий Солнце, возвышающийся над Меркурием, Землей, Венерой и Марсом, – он прекрасен, как и я рядом с ней…

Время от времени она смотрела на мужское достоинство Аполлона и улыбалась.

Я рассказал ей о том, что фонтан, у которого мы целовались, спроектировал архитектор Альфред Жаньо еще в 30-х годах минувшего века, но из-за войны его установили на площади Массена лишь в 1956 году. Затем Аполлона перенесли на окраину Ниццы, потому что статуя, мягко сказать, смущала путешественников и жителей города своей откровенностью. Но в 2011 году ее вернули на свое законное место.

Одинокие трамваи около фонтана, тихо, но уверенно мчащиеся от Галереи Лафайет, придавали городу особый шарм, свою личную атмосферу. Она, моя дивная развратная спутница, рассказала мне об узких улочках Лиссабона, где нужно прижаться к стене и закрыть глаза, чтобы пропустить трамвай и не умереть. Я улыбнулся, подумал, что шутит.

Мы зашли в Галерею Лафайет, чтобы присмотреть для нее вечернее платье, однако после часа бессмысленных блужданий (ей ничего не пришлось по вкусу) покинули магазин и зашли в местное кафе выпить по бокалу бургундского вина.

Я признался своей нежной и ласковой кошке, что меня абсолютно не впечатляют работы великих французских художников, только их жизни, только их личности и склад ума, души. Редкое исключение – Пабло Пикассо, ибо его работы не имеют стиля и почерка, их нельзя оценить, их невозможно отнести к какому-то одному конкретному жанру. Особо покорили меня его автопортреты в старости, на закате жизни – насколько они безумны и уродливо прекрасны! Если посмотреть на другие его автопортреты, сделанные в юности, в зрелом возрасте и наконец – в глубокой старости, то можно подумать, что он сошел с ума.

Человек, который не разбирается в искусстве, смело назовет Пикассо безумным шизофреником либо гением, чья гениальность недоступна и чужда для простого смертного.

Мы не говорили о ее работе, о моей работе. Мы не говорили о ее муже, о ее детях, о ее жизни, о моей жизни. Мы говорили только об искусстве, ибо этот город, как и сама Франция, были пропитаны искусством, расслабленностью и влюбленностью – хотелось быть героями бурлеска.

Я признался ей, что в Ницце мне хочется лишь заниматься любовью, пить вино, говорить об искусстве и снова заниматься любовью…

Я сказал, что у нее очень красивые глаза. Это ее смутило. Она упомянула, что ее любимый город Франкфурт-на-Майне. Я, честно признаться, ничего не разобрал из ее описания города и восхищенных слов, все бессовестно прослушал, потому что любовался ее губами и желал пить их здесь и сейчас.

Я беспардонно прервал ее дивный рассказ поцелуем.

Мы лежали, глядя друг другу в глаза. Обнаженные, горячие, красивые и слегка опьяненные. Она спросила, получится ли у меня снова, после недавнего акта… Я ответил, что, даже если не получится, я хочу полежать голышом возле нее, я хочу обнять ее горячее тело, прижать его к себе и целовать самые красивые на свете губы. Целовать ее соски, шею, гладить волосы, просто хочу питаться ее красотой, изяществом. Ее таинством – таинством, посвященным в этот момент только мне одному. И ее энергетикой.

Я гордился собой, что смог влюбить ее в себя и обладать такой прелестной женщиной. Она ничего не говорила о своих чувствах, я у нее и не спрашивал: зачем что-то говорить, если, занимаясь любовью, наши тела и души все расскажут за нас?

Когда я закончил целовать ее груди и открыл глаза, то заметил, что белладонна моя уснула. И я не стал ее будить своим законным вторжением. Хотя мог и был бы очень прав… Напоследок я лишь провел по ее губам своим самым грубым и нежным пальцем, насколько мог осторожно, чтобы не разбудить. Внезапный внутренний порыв, что был подобен зову, зову дьявола, заставил меня взять в

руку пенис и мастурбировать на ее сонное беззаботное лицо. Она мне очень нравилась, она меня возбуждала. Открывая самые безумные и недоступные ранее грани меня. Грани моей скрывавшейся долгое время натуры, моего второго «я».

Мне было немного жаль, что она всегда была покорной, безнравственной, всепоглощающей. Иногда мне хотелось, чтобы она мне противилась, останавливала меня. Чтобы не позволяла мне все, но я брал бы это силой. Иногда мне хотелось, чтобы брала она – и, будучи сверху, любила меня…

Я пил апельсиновый сок, стоя на балконе и глядя вниз на Английскую набережную, а затем – на море. Самолеты то приземлялись, то уходили в небо. Здесь на Променаде можно было бесконечно любоваться парящими в небе железными птицами, они были так близко, что казалось, вот-вот, и они пролетят у тебя над головой.

Мы решили ближе к вечеру, когда спадет солнцепек, взять покрывало, бутылку вина и посидеть на черном галечном пляже, к которому льнут синие буйные волны холодного Средиземного моря. Ницца так чудесна и чиста… Этот город – влюбленность моей молодости. Когда я нахожусь далеко от него, одно слово «Ницца» вызывает внутри меня необъяснимый трепет. Я часто задаюсь вопросом: «Смогу ли я здесь жить?» – и часто слышу ответ: «Смогу!»

Когда мой средиземноморский лучик проснулся, я обнял его и нежно поцеловал. Лучик удивлялся моим перепадам настроения, словно мое тело – это проводник и несколько совершенно разных мужчин постоянно меняются местами.

Она сказала, что я могу быть нежен, как нежен осенний ветерок к падающей листве, которую кружит в танце, а могу быть груб, как свирепое, голодное животное. Она не знает меня, она только знает, что я выбрал ее…

Она призналась мне, что могла противиться и одержать победу в том зале, когда я впервые поцеловал ее руку, и я самодовольно улыбнулся. Не могла! По необъяснимому убийственному велению сердца-души-разума она сама, оголившись перед хищником, полезла бы в его открытую пасть на верную гибель. Какую бы маску она ни носила, какой бы холодной и разумной ни была.

Разум – это ничто перед лицом страсти. Как ничто – телесная страсть перед лицом вечной необузданности.

Осудит ли меня кто-то? Да мне уже плевать. Вряд ли человек, избежавший расстрела, как, допустим, Достоевский, мог жить с мыслями: «А что обо мне подумают люди?» В день несостоявшегося расстрела Достоевский писал: «Жизнь – дар, жизнь – счастье, каждая минута могла быть веком счастья».

В какой-то момент я перестал делить мир на «правильно» и «неправильно».

А она… та самая минута, ставшая веком счастья.

Благодаря резолюции Николая I Достоевский остался жив, ему было всего двадцать семь на момент возможной казни. Состав преступления прекрасен: «антиправительственная болтовня».

Как чудно жить в «свободе слова».

Мы сидели на покрывале у шумных волн, от моря веяло вечерней прохладой. Покрывал взяли два: на одном уселись, вторым я укутал ее, когда ей стало холодно. Мне не хотелось строить планы на жизнь, мне не хотелось думать о завтрашнем дне, о работе, о реальном мире.

Хотелось обнять ее плечи, услышать звон хрустальных бокалов, поцеловать ее губы. Поцеловать шею. Выпить сухое…

Я не понимал себя. Я не понимал, почему не могу просто смотреть на нее как на обыкновенную женщину, не желая ее, не пьянея ею. Почему каждый раз у меня пробуждаются противоречивые желания: сделать ее своей личной сексуальной рабыней, обращаясь с ней небрежно и жестко; сделать ее богиней, прикасаясь нежно и с уважением; трахать ее, как самую конченую путану, для которой этот акт – один из тысячи, которая за свою жизнь проглотила столько спермы, сколько я не выпил вина; заниматься с нею любовью изысканно, как с истинной глубокой красотой этого мира. Как угодно, но только так, как велит внутренний зов.

Почему я не один, почему меня так много?

Я ничего не понимал, а она ничего не объясняла, когда я делился. Она говорила, что это нормально. Что все замечательно. Я ей верил…

Последний акт. Последняя близость перед долгой разлукой. Последняя настолько удивительная и приятная сердцу песня перед скорой глухотой – мне так казалось. Кем бы я ни был, кем бы я ни хотел показаться, я уже влюбился в эту женщину. Влюбился, как выяснилось позже, в то состояние, в котором пребывал, находясь с ней. И я боялся, что мне будет больно. В глубине души боялся и загонял это чувство внутрь себя. Я не хотел думать об этом нынешней ночью.

Дева…

Порочная, красивая, необычайно вкусно пахнущая – я чувствовал себя Жаном-Батистом Гренуем, мне нравился запах ее кожи. Ее природные феромоны. Я жадно вдыхал каждую клетку ее тела: начиная с шеи и заканчивая бедрами, особенно тем, что было между ними. Я нюхал абсолютно все, я кайфовал от аромата всех частей ее тела – от запястья руки до ануса. Меня не волновало, что правильно, а что нет. Меня волновала только она и мои ощущения от нее. Она поначалу была напряжена, затем доверилась мне и расслабилась. Я пообещал, что не буду делать больно без ее согласия, не предупредив заранее.

Я чувствовал, как она боится. Я чувствовал, что она совершенно не готова к этому шагу. Я всем своим нутром питался ее страхом, понимал его, и это доставляло мне особое удовольствие. Садизм? Возможно. Но больше – желание обладать. Желание познать и попробовать все. Желание взять эту женщину полностью, осушить до краев. И не оставить ничего после себя. Обладать, да!

Я сказал, что сейчас аккуратно смажу ее клоаку охлаждающим кремом и не буду вторгаться без предварительного массажа…

Все прошло аккуратно, нежно, эстетично. Я не стал ее разрывать, не стал давать волю чувствам, чтобы заполнить ее анус своим семенем, я просто осторожно дотронулся до тех мест, в которых была кромешная тьма, куда манила неизвестность, стремление познать, обладать и оставить свой отпечаток. Но не стремление разрушить, заполнить собой, сжечь дотла, причиняя вред. Нет.

Все было нежно. Недолго. И с поцелуями. Я целовал ее губы, гладил ее лицо. Возможно, ей было не совсем удобно разворачивать ко мне голову в этой позе, но тем не менее она отвечала взаимной нежностью и лаской.

После этого она ненадолго покинула меня, а я не стал кончать. Не хотелось. Затем, когда она вернулась в спальню, я покинул ее…

Перед сном я сделал ей массаж всего тела, чтобы она расслабилась. Чтобы отблагодарить за то, что позволила мне собой обладать. Я, как колыбельную перед сном, рассказывал ей о садах Клода Моне в Живерни. И что герой одной моей книги, серийный убийца, сжег дотла эти сады, потому что посчитал, что великий художник хотел бы этого больше всего после своей кончины. Он, творец, безмерно любил свои сады, как я люблю познавать мир, познавать себя через людей, познавать свои самоощущения…

Спустя какое-то время я понял, что она уснула. Я укрыл ее одеялом. Затем достал из мини-бара бутылку виски, большой граненый стакан и тихо, чтобы ее не разбудить, отправился на балкон – праздновать завершение этого чудного, незабываемого дня.

Когда почувствовал, что уже пьян, я разбудил ее поцелуями. Она спросонья целовала меня, целовала так, будто мы простимся на вечность, и каждый ее поцелуй словно говорил: «Я не хочу тебя покидать, но так распорядилась жизнь, которую мы с тобой выбрали»; «Я не хочу снова тебя терять, а потому целую так, чтобы никогда не жалеть, что в эту ночь я недоцеловала, недолюбила тебя, мое мгновение, мой век счастья»; «Если ад и существует, то поверь, что мы уже в нем – целуя не тех, кого хотелось бы целовать, даря себя тем, кто нас возьмет, но никогда не раскроет».

Мы уснули в объятиях друг друга.

Исчезновение

Наутро я проснулся в одиночестве.

Она тихо встала примерно в 5 утра, приняла душ, собралась и вызвала такси в аэропорт. Ее рейс был в 8:30. Не разбудила, но оставила записку…

«Мне с тобой хорошо. Буду помнить. Люблю».

Любит… За что? Почему? И зачем любит? Мы ведь целовались, занимались любовью, трахались, спали, обладали друг другом, мы ведь эгоистично желали друг друга. Где тут любовь, Дева моя? Влюбленность… Но в глубине души я был безмерно счастлив прочесть последнее слово, оно было не свойственно ей, а вернее, ее разговорной речи, и если она так написала, значит, в тот момент именно так почувствовала, открыла это в себе.

Я наслаждался ощущением того, что и я открываю в ней новые грани.

По ее стопам я пошел в душ, затем, позавтракав в кафе напротив Английской набережной, отправился на такси в аэропорт.

Мой рейс улетал в 13:30.

До встречи, Ницца! До встречи, влюбленность, Дева моя!

Послевкусие

Моя влюбленность в Деву разрушала меня некоторое время. Я постоянно думал о ней. Мне трудно было настроиться на работу, трудно собраться с мыслями и жить той жизнью, которой я жил до нее.

Я понимал, что ей от моей влюбленности ни холодно, ни жарко. Что в это время она завтракает, или ужинает, или занимается любовью/сексом со своим мужем и не вспоминает обо мне. Моя влюбленность в нее – единственный лишний и никому не нужный элемент в этой истории, из-за которого эта «минута, ставшая веком счастья» оказалась с привкусом горечи и душевной боли.

Если бы не это, я бы повторял и повторял ту минуту. Снова и снова! Пока не встретил бы влюбленность столь величественную и необъятную, что она смогла бы затмить собой все.

Я идеалист: мои взгляды на любовь утопические (вернее, их считают утопическими те, кто привык соглашаться на меньшее, как они себя называют – «знатоки жизни»), мои идеалы недостижимы и неразумны для тех, кто узнает о них, и в каждый промежуток жизни – они всегда разные.

Я всю жизнь ищу то, чего пока не встречал.

Я сам дам определение любви, когда познаю бездну, намного масштабнее, глубже и безграничнее, чем я сам. Эти выводы я сделал после того, как однажды встретил человека столь неординарного и оригинального в своих рассуждениях, что если бы я писал книгу или историю о нем, то дал бы ей название «Забудь, какой я была вчера».

Признаюсь, она сама его придумала, но я поддержал.

И да, у этого человека тоже был свой Идеал.

Акт 2. Нежный бунт

С этой личностью, с этой женщиной, явившейся из ниоткуда так спонтанно – настоящий кирпич с красивым бантом, падавший с небес на голову, но на самой макушке решивший застыть на месте, – было о чем говорить, было о чем спать. Всегда. С ней можно было просто разговаривать и получать настолько яркий умственный оргазм, что сексуальность ума больше никогда не подвергалась никаким сомнениям.

Ум сексуален. Это правда.

Мы познакомились с ней случайно, когда я заказывал кружку хорошего немецкого пива в одном удивительном кафе возле озера. Это была Москва… Большая и шумная, но в этом месте – маленькая и тихая.

Она сидела за столиком, пила лимонад и смотрела на озеро, а когда заметила меня и взглянула мне в глаза, вдруг спросила: «Вы наблюдатель?»

В тот миг мне подумалось, что все наше знакомство сведется к тому, что мы выпьем, улыбнемся друг другу, расскажем какие-то «интересные» истории из жизни, быть может, увидим обнаженные тела друг друга, насладимся ими и забудем обо всем так же спонтанно, как произошла эта встреча.

Но я еще никогда так по-крупному не ошибался! И кирпичу, застывшему на макушке моей головы, не суждено было вернуться обратно на небеса.

Мы разговаривали с ней о многих вещах. Если не обо всем. Я беседовал с ней на такие темы, которые не обсуждал ни с кем и никогда. Да, я наблюдатель. Не мужчина мечты, не писатель, не человек, занимающийся высоким искусством, хотя определение Ренуара подходило мне в наибольшей степени. Но если смотреть истинно, в самую глубь: я – наблюдатель. Я тот, кто наблюдает и познает. Анализирует и чувствует. Всё так.

На вопрос: «С чего вы вообще это взяли?» – она ответила: «Это очевидно для наблюдателя».

Я даже представить себе не мог, в какой океан вынесло мой плот.

Мы заговорили о красоте – мне показалось, что женщина, которая разглядела во мне наблюдателя, в ней разбирается.

Я спросил:

– Как вы считаете, внешняя красота человека может быть отражением красоты его души, и напротив: уродство – отражением внутреннего уродства?

– А что вы полагаете красивым? – ответила она вопросом на вопрос.

– В самом обыденном и доступном понимании – красивое лицо.

Она пожала плечами:

– Понятие идеала красоты возникло в Древней Греции и менялось неоднократно на протяжении истории человечества. В средние века женщины выбривали себе высокий лоб, сейчас делают пухлые губы, в индейских племенах для красоты увеличивают кольцами шею и вставляют предметы в губы и уши… Знаете, я считаю, что внешность человека с возрастом все больше становится отражением его образа мышления, чувств. Выражение лица, взгляд – да, являются зеркалом души. Но красивым люди считают разное. Кто-то видит красоту в Ренуаре, а кто-то предпочитает современное арт-искусство. О вкусах не спорят.

Ее было необычайно интересно слушать… В тот момент, когда я впервые увидел ее, мне показалось, что она похожа на Деву – своей стройностью, своими пухлыми губами, своим образом. Но это было лишь первое впечатление, обманчивое; и после того, как я услышал ее голос, увидел ее манеру поведения, то, как она пила лимонад, я понял, что ошибся.

Мне не хотелось больше ни в ком находить Деву, потому что насколько знакомство с ней получилось роковым и незабываемым, настолько же – губительным и болезненным. Если убрать из меня всего одно качество, вынуть его из меня и уничтожить – а именно влюбленность, неконтролируемую влюбленность в человека, – я мог бы быть прекрасным любовником и прожигать свою жизнь, наслаждаясь прелестью женских тел и порочной чистотой их душ. Но если вынуть влюбленность, то, полагаю, страстности такой бы я лишился – это уже был бы не я.

– Забавно, что вы заговорили о Ренуаре. Я вижу красоту в личности Ренуара, в его биографии, она для меня интересна, познавательна и даже местами поучительна, я нахожу красоту в том, кем он был, но не в его работах. И другие художники меня интересуют по схожему принципу. Я изучаю их биографии, истории их жизни, их путь. Но их произведения мне совершенно не интересны. Пусть даже меня считают безнравственным.

– Я так не считаю.

– А в чем находите красоту вы? – обратился я к ней.

Что-то в ней было такое, чего не выразить словами – такое чувство, словно видишь человека, смотришь в него, но в то же время не видишь ничего. Очень трудно оказалось заглянуть в нее, и этому было только одно объяснение: она не хотела, чтобы я в нее заглядывал. Почему?

– Нужно подумать… Если мы говорим о людях, то, несомненно, – в чертах характера, таких как уверенность в себе, в своем выборе, в своих целях. Мне нравится, когда человек умеет принимать решения, в нем чувствуется спокойствие и верность своему выбору. Внешне это может проявляться во взгляде, в походке, в жестах, отчасти – в фигуре. Я считаю, что заплывшее жиром тело – это неуважение к себе. А если брать внешность, то кривой у человека нос или ровный – не имеет для меня никакого значения. Красота внутри человека. Я, как и вы, изучала биографии, но люди столько раз переосмысливают свой жизненный опыт… Если бы я писала книгу, в ней было бы несколько непохожих друг на друга линий жизни и только в конце стало бы ясно, что все эти линии принадлежат одному человеку, а не разным людям.

– Да, вы правы. Особенно в том, что касается переосмысления. Я раньше даже боялся менять свою систему ценностей, мне казалось, что я всегда должен хранить ей верность. Но со временем понял, что именно таким образом происходит человеческий рост. В случае со мной это выражается в том, что в моих книгах появляются мысли, противоречащие друг другу, я будто спорю с самим собой и своими прежними взглядами. Кстати, я в каком-то роде писатель-порнограф. Не думаю, что вы читали мои книги, хотя их можно найти в каждом книжном Москвы.

Я ненадолго замолк, а затем понял, что хочу задать этой таинственной женщине, явившейся из ниоткуда, один давно волнующий меня вопрос:

– Как вы считаете, когда человек свободен, не в отношениях, но в нем очень много сексуальной энергии, стоит ли ему постоянно выплескивать эту энергию на других людей, чтобы получать удовлетворение, или нужно направлять ее в творчество, работу, не давая ей касаться тех, кто оказался рядом?

Она мазнула по мне взглядом.

– Забавно, я сама сейчас изучаю эту тему. Секс – это все-таки про совместимость личностей, а иначе «о чем мне с тобой трахаться?».

Я улыбнулся:

– Тоже смотрел этот фильм.

– Я считаю, что секс в мозгу. Чем глубже и многограннее человек, тем ярче и эмоциональнее секс.

В этот момент с моим телом начали происходить странные вещи. Внутри появился трепет, некое… наполнение. Член затвердел. Я сам и не понял, с каких это пор секс появился в моем мозгу. Мысленно я сказал себе что-то вроде: «Ну почему этот человек – женщина? Почему не мужчина, с которым можно холодно и отстраненно порассуждать о вещах? Без эрекции, без желания владеть чужим телом».

– В мозгу? Не знаю, возможно. У меня по-другому: самый яркий и запоминающийся секс всегда случался с теми, с кем поговорить было почти не о чем, а заниматься любовью – это все. – Я на секунду прервался, потом добавил: – Странно все это рассказывать незнакомому человеку…

– Секс для мужчины и женщины – это совершенно разные, хоть и комплементарные, дополняющие потребности. Женщина порой хочет отдаться, быть желанной, хочет, чтобы ее взяли. Мужчина наоборот – хочет взять. Как только женщина становится слишком агрессивна в своем сексуальном желании – мужчина сбегает. Нормальный мужчина, не невротик. Если грубо, но правильно сформулировать мысль: ему хочется трахать, – из ее уст это слово прозвучало сексуально, – а не быть трахнутым. Из этого следует, что сексуальная энергия – вовсе не энергия. Это потребность. Энергии в человеке может быть много, но за ней стоят нужды и мотивация. Обилие сексуальной энергии у женщины – это потребность быть желанной в разных ипостасях: в роли миловидной и нежной девочки, развратной шлюхи или обольстительной искусительницы. Женщина находит себя в стольких ролях, сколько она в состоянии увидеть в себе. Поэтому сексуальная энергия – это масштаб личности.

Я ощутил, что все во мне откликается на ее слова. Она не боится говорить прямо и открыто, она не стыдится быть собой… Это было неописуемо красиво, в ее словах я нашел для себя истину.

Она немного помолчала, затем продолжила:

– Мужчина хочет разнообразия. Ему скучно каждый день надевать одну и ту же одежду, употреблять одну и ту же пищу. Сегодня ему хочется девственницу, а завтра шлюху. Чем энергетически сильнее мужчина, тем большим количеством «типажей» он желает обладать. Мужская сексуальная энергия – в обладании; таким образом он обретает для себя подтверждение своей силы. Это и мотивация, и потребность. Обычный мужчина может довольствоваться одним типажом, одной ролевой моделью. Мужчина, чья личность масштабна, хочет разнообразия. Вот только готов ли он увидеть в одной и той же женщине, которая живет рядом с ним, и шлюху, и скромницу? И готова ли она быть для него разной?

Тем временем мы прогулялись к озеру, где никто не мог нас услышать. Я старался контролировать свое тело, ибо внезапно вставший орган мог вызвать некоторый конфуз.

– Если вы будете писать об этом книгу, предлагаю название: «Забудь, какой я была вчера», – сказала моя незнакомка со стаканом лимонада в руках.

Она была очень стройная, высокая, всего на несколько сантиметров ниже меня; темные волосы, ровная осанка. Взгляд… пронзительный взгляд, словно это она берет меня, а не я ее.

Я почувствовал между нами разницу в уровне интеллекта, в уровне самообладания, в возрасте. Она выглядела старше меня лет на пять-семь. Ее загадочность, ее ум пленили меня.

– Название покупаемое, – улыбнулся я.

– Секс – это про принятие, – сказала она после паузы. – Когда женщина достигает оргазма, то получает его от ощущения, что ее взяли и приняли в ее

роли. Мужчина испытывает оргазм в силу своей уверенности, что он обладает такой «новой ролью», новой фигурой в его жизни, данным типажом женщины. По своей сути сексуальный акт – это акт взаимного принятия, а безусловное принятие – и есть любовь.

Я удивлялся тому, как спокойно она говорит о сексе. Обычно эту тему обсуждают шепотом и в близком кругу, а не в полный голос с человеком, которого видишь первый раз в жизни.

– Тут внутренний вопрос звучит так: «Любишь ли ты меня настолько, чтобы увидеть и принять, желать меня в разных ипостасях? Я хочу реализоваться и в своих самых темных, и в самых светлых ролях, готов ли ты безусловно принять их все? Желаешь ли ты их все?» – развила она мысль. – Как я могу узнать, что мужчина желает меня и в таком проявлении тоже? Только когда я вижу, что он хочет меня! Все остальное – слова. А вот доверие зачастую требует доказательств, люди проявляются в действии. Эта область самореализации – секс, половой акт, обмен энергиями – нуждается в подтверждении (ты готова отдаться мне такому? ты готов взять меня такой?). И если мы имеем в виду отношения с одним человеком, близость, любовь, то секс – это сотворчество. Мужчина может сколько угодно говорить, что принимает меня разной, но на деле это выглядит так: «Дорогая, ты же серьезная взрослая женщина, что за мини-юбка?» И в этот момент я понимаю… Как вас зовут? Впрочем, не важно… Я понимаю, Автор, что такой он меня не хочет, такой он меня не принимает, такой он меня не любит и не готов взять. А любит ли меня человек, который готов принять только ту часть меня, которая ему импонирует? Нужны ли мне такие отношения, где мужчина любит во мне что-то одно, отвергая другое? Вот тут мы и возвращаемся к любви и масштабу личностей. Если мужчина готов вместить лишь крошечную часть меня, моей энергии, моей сути – он мне мал.

Она назвала меня Автором, ей не важно имя… Откуда в ней столько познаний? Кто она?

– Чувствую себя Дорианом Греем рядом с лордом Генри и Бэзилом в одном флаконе… не знаю, читали ли вы или нет. Это очень странно. – Я находился в некоем замешательстве, ибо… Ибо!

– Я понимаю, что вы хотите спросить. У меня очень большой и трудный жизненный опыт. Я не боялась жить, любить, вскрывать себя, как консервную банку, чтобы добраться до сути. С детства я была наблюдательной, возможно,

поэтому и стала аналитиком.

Я глядел на нее, и мне казалось, она нашла все ответы на те вопросы, которые я задаю себе изо дня в день. Я не мог ее упустить. Не мог потерять.

Вдруг мне захотелось рассказать…

– Иногда, когда человек просто проявляет ко мне доброту и тепло, я начинаю влюбляться в него. Потому что этого не хватает. Хотя, если смотреть на вещи трезво, этот человек мне не нужен, мне нужно его тепло. И я знаю, что это не есть правильно – использовать человека, чтобы согреться самому, но другого пути не вижу. От этого я порой страдаю.

– Знаю. Мужчины часто признаются мне в любви и даже зовут замуж, но я не верю в такую любовь, потому что она вызвана лишь нуждой. В том, чтобы я их услышала и поняла. Это благодарность, а не любовь.

– Безусловно. Это благодарность и потребительство. Я пишу об утопии, мои книги считают утопией, но я верю в это. Я верю в великую любовь и великую истину. Хотя еще не встречал ни того ни другого.

– Любовь… Я считаю, что люди ищут полноты в другом человеке. Им хочется, чтобы был такой человек, в котором ты можешь поместиться весь, а не только малая часть тебя. Только тогда, когда масштаб человека, которого ты встретил, может тебя вместить, принять всего полностью, кажется, что это любовь. Но проблема в том, что можно внезапно обнаружить, что твой человек гораздо больше, чем ты. И ты сам вместить его не сумеешь. А мы растем… Кто-то растет быстрее, кто-то медленнее. Это истинная причина, почему люди расстаются. «Твой» человек перестал вмещать тебя, потому что однажды ты вырос или напротив – однажды стал слишком мал для него.

Мне нравилась она. С каждым словом все больше. Это было эгоистическое желание потреблять ее без остатка, но не тело. А ее истины, ее идеалы, ее суть.

Слишком ничтожно – спать с такой женщиной.

– Какой у вас знак зодиака? – спросил я.

– Я Водолей. И да, я верю в любовь. Я прошла долгий путь исследования этого чувства…

Что бы она ни говорила – все откликалось внутри меня. Я испытывал эмоциональный оргазм, наполняясь ею. Вникая в смысл ее слов. Мое тело будоражили самые разные эмоции: я хотел кричать от новых знаний, от радости. Делиться этими знаниями с миром. В том числе я хотел целовать ее тело и через поцелуи показывать ей свой восторг!

– …Как любить. Что такое быть любимой. Что такое быть счастливой. Я разделяю мысль, что один и тот же мужчина с разными женщинами будет вести себя по-разному. Потому что одна женщина станет для него миром, домом, а другая – нет. А еще я считаю, что понятия «мой человек», «родственная душа» очень размыты. Чтобы понять, кто тебе нужен, для начала надо узнать себя. Кто я?.. Чтобы любить другого – научиться любить себя. Чтобы обрести счастье в отношениях – научиться быть счастливым самому. Счастье, на мой взгляд, это большой труд. Труд над собой.

Мы стояли у озера. Сначала оба смотрели куда-то вдаль. Затем я перевел взгляд на ее профиль.

Сейчас говорила только она, а я слушал.

– Люди часто в поисках того, кто поможет им узнать себя – как в зеркале. Но на самом деле в таком случае в человеке они любят только самих себя. Это потребительская любовь. Настоящая любовь для меня рождается из желания дать. А взаимность обретается, когда это «дать» и «взять» между двумя людьми совпадает. Вам стоит наполниться самому, чтобы захотеть давать. Это путь через поиск нового ответа на вопрос «кто я?». Попробуйте посмотреть фильм «Весенние надежды» с Мерил Стрип.

– Я посмотрю. Скажите, как вас зовут?

Она ничего ответила, но в ее глазах я прочитал вопрос: «Как меня зовут, Автор?»

Муза…

Это было общение на интуитивном уровне. Когда не произносишь ни слова, но разговариваешь.

– Вы счастливы?

– Сейчас да.

Теперь она смотрела на меня, а я время от времени переводил взгляд на ее красивую, длинную шею.

– Я счастлива, но я знаю, что это временно и однажды мне снова придется обрести себя заново. Я всего лишь нашла то, какой мне нравится быть, и стала именно такой. Если брать в целом, то мне нравится быть разной, так же, как нравится есть разную еду, а не омлет и суп каждый день. И эта гармония со своим настроением и чувствами дает мне приятное ощущение свободы. К слову, вам может понравиться еврейское определение свободы: возможность самостоятельно выбирать цель и способ ее достижения.

– Я ценю свободу. И не могу без нее. Я обязан быть свободным всегда, ибо свобода – это часть меня… Да, мне импонирует еврейское определение свободы, – отозвался я и почти без паузы спросил: – Как вы считаете, почему великий Оскар Уайльд, с его масштабом личности, желал обладать подростками и юношами, а не женщинами? Это ведь нездоровое проявление сексуальной энергии. Или что это? Я не могу понять такого. У меня бывают разные мысли и желания относительно секса, но мне не хочется юношей и мужчин.

Еще какое-то время мы смотрели друг другу в глаза. Два океана, бездонных. Нет, вернее – океан и человек на плоту, в чьих глазах живет океан. Затем она вновь перевела взгляд за горизонт. Мне нравилась ее невозмутимость, она никогда не давала оценку происходящему. Только пыталась это объяснить. Это потрясающее качество, им могут обладать лишь истинные профессионалы-наблюдатели.

Я таким, увы, не являлся.

В ее глазах таились ответы. Ответы, которые мне не мог дать никто!

Я страдал от того, что не нашел подходящую мне истину. От того, что не нашел смысл моего существования. Не знаю, какие боги послали ее и есть ли они вообще, но она мне сейчас была нужна, как никогда, как никто другой…

И она ответила вновь:

– Во-первых, педофилия развивается у людей, которые сами психологически и социально незрелы. Они не осознают в полной мере, что уже взрослые. Это люди, не чувствующие свой возраст; часто они удивляются, глядя в зеркало или в паспорт. Удивляются тому, что они старше, чем сами себя чувствуют. Во-вторых, дети – это всегда искренность, мечты, доброта, много энергии. Мужчина не может сам родить, но ему хочется обладать ребенком. Как ему взять его? Если есть конфликт с женщинами, отторжение, связанное с психологическими конфликтами из детства, то тут единственный путь для мужчины – желать мальчиков-подростков. Когда женщина неискренна, она не дает мужчине необходимую энергию, и происходит обман: секс есть, а наполнения, что так необходимо мужчине, он не получает. Дети же не умеют врать…

Она немного помолчала. Давно выпив свой лимонад, теперь она просто гладила пальцами стакан. Я наблюдал за ее гибкими, изящными пальцами.

– Гомосексуализм и педофилия имеют разную природу; крайне редко желание обладать детьми имеет физиологические причины. Как правило – психологические. Которые уже в свою очередь отражаются на физиологии. Эти отклонения – еще одно подтверждение, что секс у человека в мозгу. Я не изучала историю детства Оскара Уайльда, но думаю, что он сам чувствовал себя как тот самый мальчик-подросток и хотел быть им.

После этого она перевела взгляд на меня:

– А вы хотели бы испытать множественный оргазм, как это происходит у женщин. Вас манит эта загадка, и вы надеетесь в сексе испытать через женщину то, что испытывает она.

Я не знал, что ответить. Будто неожиданный удар по лицу. Будто залезли в мою голову, вытащили оттуда мысли и озвучили их. Те мысли, которые я даже сам

себе не озвучивал. Она права на миллион процентов. Но откуда она это знает?

– Откуда вы узнали? Да, постоянный оргазм не только когда кончаешь, а всегда. Снова и снова! Много раз. Я хочу это в себе открыть, понять…

– Анализируют мужчины. Женщины чувствуют и знают, – улыбнулась она своей загадочной улыбкой. – Оскар Уайльд, полагаю, хотел получить то, что было у мальчиков-подростков и не было у него. Его манила эта потребность, вероятно, он был ею одержим. Он хотел обладать ими, чтобы восполнить ее. Это могла быть сексуальная неискушенность, искренность, страх перед меняющимся организмом, перед гормонами, мешающими думать.

– Кстати, Уайльд был высокого роста, почти два метра, – заметил я. И подумал, что да, такой рост не свойственен юному мальчишке, с которым, возможно, ассоциировал себя писатель.

– Хемингуэй писал, что лишь с возрастом мужчина освобождается от этой сексуальной жажды, этого «проклятия». А ведь мальчики-подростки, еще не познавшие сексуальности, не так зависимы от сексуальной энергии женщин. Возможно, Уайльд завидовал их свободе и пытался завладеть ею, восполнить ее в себе, так же, как вы хотите испытать множественный оргазм, доступный женщинам? Как считаете?

Она вновь улыбнулась.

Я хотел ее. Но не так, как обычно. Я хотел ее душу, нет – душу и мозг, мечтал завладеть ими. Но достать ее души своим органом мне не удастся. Ее нет в том месте, где положено быть душе. Положено… А с чего я взял, что она должна быть именно там? Прошлый опыт, возможно? Я понимал, что хочу обладать интеллектом и душой этой женщины. Во что бы то ни стало!

Желание обладать ее душой было гораздо сильнее, чем испытать множественный оргазм.

– Я люблю Хемингуэя как личность. – сказал я. – Мне близки его «Старик и море» и «Праздник, который всегда с тобой». И мне нравится ваш ответ, как и все ответы, которые я услышал до этого. Знаете, я с раннего возраста чувствовал в себе сексуальную энергию. Наверное, лет с пяти-шести. И я наблюдал за собой:

как происходит эрекция, как мое тело откликается на женщин… Где-то лет в десять, точно не скажу, я смотрел на всех женщин вокруг, на их бедра, на их груди, на их губы – и хотел их. К двенадцати, бывало, я испытывал поллюцию, когда видел на улице, как женщина крутит бедрами. Не знаю, зачем все это говорю, но это правда. И с детства… – в этот момент я думал: говорить или не говорить, ведь это тайна, о которой не знает практически никто, о таком не принято говорить; но все-таки продолжил: – я слышал, как мои родители занимаются сексом. Мне было три или четыре года, но помню все явственно и в деталях, будто это было вчера. Это отложило на мне отпечаток. И это мне очень мешало.

– Почему мешало? – уточнила она.

– Они мешали мне спать. Мне не хотелось, чтобы отец ее… «насиловал», – тихо сказал я. – Мне казалось, что матери больно. Я не понимал, зачем это нужно.

Она внимательно выслушала, не перебивая, а затем предложила прогуляться до беседки, в которой не было ни души. Но был удобный большой диван и изумительный вид на озеро.

Я последовал за ней.

– Вот тут и кроется ваш страх, который вызывает у вас потребность доказать обратное. В каком возрасте вы узнали, что вашей матери было приятно с отцом, что она получала удовольствие, а не боль?

– Ни в каком, – сам того не ожидая, ответил я. Эта женщина входила туда, куда не входил еще никто в моей жизни. Ни одна моя влюбленность. Но это меня не пугало. Я сам ее туда впустил. – Я этого не узнал. Я блокировал и блокирую эти воспоминания даже сейчас.

– Возраст с восьми до двенадцати лет – это период формирования мировоззрения…

Первый раз, когда я ее перебил. Первый раз за всю нашу беседу (к тому времени мы уже сидели на диване и смотрели друг на друга):

– С восьми до двенадцати лет мне определенно хотелось иметь всех женщин на этом свете.

Она понимающе кивнула, переводя взгляд с моих губ на глаза.

– Вам кажется, что вы блокируете. На самом деле эти воспоминания очень влияют на вас. На все ваше поведение. Именно поэтому секс для вас так важен. Вы бежите от него, а он вас преследует еще сильнее. Я считаю, во-первых, нужно принять сами воспоминания, страх перед сексом. Потому что тогда, в детстве, вы испугались. И тщательно скрывали то, что узнали. То, что вы услышали, стало серьезным потрясением, но вы боялись задавать вопросы. Табуированность этого опыта сделала его сакральным для вас. – Она в задумчивости поводила пальцем по губам. – Во-вторых, вы все время пытаетесь доказать, что вашей матери было хорошо, повторяя поведение отца. Потому что он мужчина. И приближаясь к этому страху причинить женщине боль, вы сами себе хотите ответить на вопрос: было вашей матери больно или приятно? Секс приносит вам удовлетворение и в то же время облегчение – когда вы видите, что женщине он доставил удовольствие. Потому что в этот момент вы истинно убеждаетесь, что матери тогда было не плохо, а совсем наоборот. А также в том, что «мой отец хороший, и я, как мужчина, хороший, ибо я идентифицирую себя с ним. Я принимаю себя мужчиной и принимаю свое желание сексуально обладать женщиной».

Я чуть не расплакался. Мне было мучительно и приятно одновременно. Мучительно от того, что вскрыли рану, которую я прятал под замками в темной бездне моего мрака. Приятно от того, что меня поняли. Единственный человек в моей жизни, который сумел докопаться до сути. Сумел прикоснуться к тому, к чему не прикасался никто.

– Если вдруг женщине плохо с вами в постели, то у вас пропадает всякое желание, вы чувствуете себя разбитым и даже подавленным. И трудно себя убедить, что дело в ее фригидности и комплексах, потому что на вас накатывает чувство вины, словно вы узнали, что на самом деле вашей маме было тогда неприятно и больно, а вы, как мужчина, следуя деяниям своего отца, поступили плохо.

Все, что я смог выдавить из себя:

– У меня нет слов…

– Не нужно никаких слов. Примите. Вот почему в возрасте восьми-двенадцати лет вам хотелось обладать всеми женщинами. Вы всего лишь познавали мир и искали ответ на вопрос: как чувствовала себя ваша мать. Вы объявили войну своему страху быть плохим. Потому что поняли, что вы мужчина. Это маленький бунт.

– Но почему мне иногда доставляет удовольствие грубый секс, когда я делаю женщине больно своей грубостью? Потому что в этот момент я выступаю в роли своего отца, каким я его видел в четыре года?

– Все верно. Именно поэтому. Грубый секс вам нравится, возбуждает вас, потому что через него вы доходите до грани. До грани и/или удовольствия, когда этот страх/вопрос обостряется в вашем мозгу, то вызывает особенно острые эмоции. Ваш секс тоже в вашем мозгу, Автор.

Я долго глядел вдаль, на темную воду, прежде чем задать следующий вопрос:

– Скажите сейчас честно: вы увидели во мне что-то такое, что импонирует вам?

Она снова улыбнулась. И сказала, не задумываясь, будто всегда знала ответ:

– Мне импонирует ваше желание творить. И узнавать.

– Неожиданный ответ, хотя очень справедливый.

Мне хотелось, чтобы она сказала что-то вроде: «Вы мне нравитесь. Вы необыкновенны»… Я благодарен ей за честность.

– Мужчина – всегда творец, – добавила она после непродолжительной паузы.

Я медленно наклонил голову, соглашаясь.

– В моих утопических мечтах женщина – есть вдохновение. Но я об этом начал забывать в силу того, что «бытие определяет сознание». Я начал соглашаться на то, что женщина, живущая со мной под одной крышей, – это послушная, добрая, хозяйственная, любящая и сексуальная рабыня. Она безусловно была одно время моим вдохновением, я много творил, но потом все угасло… В последнее время я выбираю женщин, с которыми хочу просыпаться каждый день, по принципу «она меня любит, она меня хочет, у нее красивое лицо, у нее добрая душа, она мне подходит, она достойна меня, а я достоин ее». Со временем она начинает готовить мне рагу и печь апельсиновый пирог, но мне не нужно ни ее рагу, ни пирог. Я хочу голодать рядом с ней. Почему?

Она ничего не ответила на это. Мы решили помолчать и послушать шелест листвы у озера. Темнело. Холодало. Мне хотелось ее обнять, но я не обнимал. Это был не страх, однако я не знаю, что не позволило мне этого сделать; мы ведь чужие и, быть может, завтра станем для друг друга еще меньше, чем никем.

И вдруг она сказала нечто такое, от чего у меня волосы встали дыбом. Выходящее из ряда вон! Не иначе как прочитала мои мысли…

– Большинство мужчин желают от женщины любви в виде поглаженных рубашек и ужина, приготовленного вовремя. Вот они и получают жен, которые гладят их одежду и готовят им еду. На самом деле женщина тоже выбирает, когда наблюдает, что мужчина будет делать с ее энергией. Каким образом будет расходовать ее. Один построит большой красивый особняк, другой сольет в унитаз. От вторых женщины уходят. Вот вы, к примеру, напишете роман. А Пикассо нарисовал бы картину. Куда приятнее отдавать энергию мужчине, который сотворит из нее что-то вечное.

Она будто снова заглянула в меня, словно знала, какой вопрос в этот момент меня интересует больше всего.

Я не знаю, кто она, умеет ли она читать мои мысли, но то, что она одна из самых значимых фигур на данном отрезке моей жизни, – это факт. И ее нельзя ни за что потерять! Ибо я – художник, а она муза.

– Мне не нужны наглаженные рубашки и вкусный ужин. Я могу заказать еду на дом либо приготовить ее сам, могу вообще несколько дней не есть. Еда не

делает меня счастливее. – Я улыбнулся и добавил: – Такое ощущение, будто читаю еще не написанный роман.

Сгустились сумерки. Я последовал примеру моей незнакомки и взял стакан лимонада; мы сидели в беседке, глядя на утопающий в озере закат цвета Марса, становившийся в этот миг частью озера. Время от времени мы смотрели друг другу в глаза. Какого цвета у нее были глаза? Мне кажется, темные. Но не точно – я не смотрел на их цвет. Я смотрел через их цвет. Сквозь него. Туда, куда она позволяла мне смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vyacheslav-prah/grubyy-seks-i-nezhnyy-bunt

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить